

Российская академия наук стала, наравне Алексеем Навальным практически главным ньюсмейкером этого лета, но чувствует себя в этой роли крайне неудобно. Характерная для ее администрации закрытость позволяла активно потреблять бюджетные деньги, направляемые на «научную деятельность», но при этом не будучи готовой отчитываться за эти деньги качественными открытиями и публикациями.

Один из часто звучащих аргументов в пользу сохранения РАН в нынешнем виде – это то, что перед нами дошедший практически в неприкосновенности трехсотлетний институт. Но это явное искажение правды – история Академии знала немало изменений, порой достаточно радикальных. Нынешняя Академия наук не является преемницей той самой Петербургской академии наук, которую создавал Петр I. Преемственность свою она практически потеряла – причем, не с приходом к власти большевиков, которые подтвердили преемственность и со временем просто назвали новый орган Академией Наук СССР. А вот в 1991 году Борис Николаевич Ельцин как бы восстановил Российскую академию наук. При этом была создана специальная комиссия, в которую помимо ученых, вошли и политики по переходу от АН СССР к РАН. И эта комиссия уже формировала новый состав академиков.

Это никоим образом не способствовало избавлению от недугов, которые за годы советской власти Академия приобрела, более того - в последние десятилетия многие недуги усилились – включая коррумпированности верхушки, по дороге выплескивая ребенка – российскую науку.

Содержательный обзор преобразований в Академии [сделал более 10 лет назад кандидат физико-математических наук; заведующий отделом астрономии ВИНТИ, специалист по астрономия, астрофизике и науковедению Гавриил Хромов](#) в специальном номере журнала «Отечественные записки», который так и назывался [«Блеск и нищета российской науки»](#). Кажется своевременным вспомнить основные вехи этих преобразований.

Проблемы в российской науке зрели давно и о необходимости реформировать Академию Наук говорили еще 150 лет назад.

Еще в 1855 году ее тогдашний президент граф Блудов предложил переработать академический устав. Дело затянулось до 1863 года, когда такое повеление сделал сам Александр II. Дело опять затянулось — до 1866 года, когда после выстрела Дмитрия Каракозова оно было просто положено в долгий ящик. В царствование Александра III президентом Академии назначили уважаемого литератора великого князя Константина Романова и заставили ее пополнять свой состав русскими учеными. Число членов Академии (ординарных и экстраординарных академиков и адъюнктов) увеличили до 50 и в заявили о начале переработки академического устава. Но реформа, как это водится у академиков, затянулась, а затем, с наступлением предреволюционной эпохи, о ней забыли. Такая передовая отрасль как наука, встретила революцию с уставом 1836 года. Вообще, по правде говоря, Петербургская академия тогда была совсем невелика – 7 музеев, 5 лабораторий, да 15 комиссий, вот и все богатство на 1917 год.

Все сильно изменилось при СССР. 1920-е годы, по словам Хромова, ознаменовались беспрецедентным в отечественной истории развитием науки. Новая власть не испытывала ни малейших сомнений относительно всесторонней полезности любого научного знания и его жизненной необходимости для скорейшего построения нового общества, опирающегося на достижения науки и техники. Не располагая тогда большими материальными ресурсами, советская власть не скупилась на моральную и организационную поддержку научных учреждений. Всего лишь за 12 лет, с 1918 по 1930 годы, численность таковых выросла в СССР более чем в пять раз, достигнув примерно 800. Новые научные институты возникали и на базе лабораторий и комиссий АН СССР; они либо оставались при Академии, в системе Наркомпроса, либо переходили под эгиду ВСНХ, где сосредотачивались все более многочисленные учреждения прикладной науки. Конец 1920-х годов ознаменовался в нашей истории политической победой сторонников форсированной индустриализации страны. И в 1929 году Академии позволили увеличить число действительных членов до 90, но теперь академия должна была участвовать в увеличении промышленного потенциала страны.

Но в начале 1930-х годов внимание руководства СССР было обращено уже на высшую школу. К 1933 году число высших учебных заведений в СССР возросло пятикратно от уровня 1927 года, превысив 700. В них обучалось 500 тысяч студентов; к 1940 году это число достигло 800 тысяч. В целом, к 1933 году действовало уже 1300 разнообразных научных учреждений.

Но главное изменение произошло в 1935 году. Главная новая особенность АН СССР, закрепленная уставом 1935 года, заключалась в том, что она переставала быть обособленным научно-исследовательским учреждением, в каковом качестве была

создана и просуществовала 200 лет. Она, в лице своих членов и избираемых ими руководящих лиц и органов, становилась полновластным народнохозяйственным ведомством, фактически наркоматом непромышленной науки, осуществляющим административное руководство подчиненными научными и вспомогательными учреждениями, определяющим тематику их деятельности и распределяющим между ними госбюджетные средства, ассигнуемые Академии в целом. Члены Академии получили статус своего рода особоуполномоченных государственных ученых, с повышенным материальным обеспечением и невиданными в истории мировой науки профессиональными привилегиями. Их корпорация, численность которой регулировалась Совнаркомом, продолжала разрастаться; в 1939 году в АН СССР насчитывался уже 131 академик и примерно вдвое большее число членов-корреспондентов.

По большому счету, эта ситуация так и дожила до наших дней. Именно созданная тогда система и вошедшие в нее люди стали одной из значимых номенклатурных прослоек, относительно защищенных и приближенных к верховной власти в стране.

Так что не только формально, из-за указа Ельцина, но и по сути нынешних академиков нельзя считать преемниками ученых XVIII-XIX столетий.

Наука обязана эволюционировать и меняться, но удобная скорлупа, в которой оказалась Академия, что мысли о каких-либо переменах или реформе внутри Академии практически не появлялись. Это было уже государство в государстве.

К 1985 году в АН СССР насчитывалось около 330 научных учреждений, в которых трудились 57 тысяч ученых-исследователей, при общей численности работников во всем академическом ведомстве в 217 тысяч человек. Действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР было тогда 274 и 542 человека

Для сравнения в 1998 году те же показатели для Российской академии наук: численность ученых-исследователей — 62 тысячи человек, количество научных учреждений — 448, число академиков — 468, число членов-корреспондентов — 690. Академиков стало почти вдвое больше. Но тогда возраст академика был 69 лет. Сейчас средний возраст колеблется у отметки 83 года. То есть те академики, которые пришли в 1990-е, стали старше. Появлялись и новые, но некоторые из них были весьма экзотичны, как Борис Березовский и Руслан Хасбулатов.

В ответ на слова о необходимости реформирования РАН, ее руководство все время говорило о том, что у российской науки есть главная проблема – это крайне низкое финансирование. Но оживление финансирования не привело к столь же заметному росту количества качественных исследований. Это существенно ослабляет силу аргументов тех, кто продолжает твердить: «Не надо нам ваших реформ – лучше помогите материально». Среди них есть не только администраторы от науки, но и известные, продолжающие работать ученые. Их опасения, как бы не стало хуже, конечно, понятны, но можно не сомневаться, что им-то обновление системы организации науки только поможет раскрыться в полной мере.

<http://polit.ru/news/2013/08/22/academia/>